

стях феодалов, свидетельствуют о том, что рабский труд находил известное применение и в сельском хозяйстве¹³². Однако в это время экономических предпосылок для широкого применения рабского труда в сельском хозяйстве не существовало. Мелкий сельский собственник не был столь состоятелен, чтобы содержать многочисленную челядь, и не располагал столь обширным наделом, чтобы испытывать потребность в рабском труде для его обработки. Согласно сообщению Кедрина, при Самуиле болгарское хозяйство средних размеров имело один зевгарь земли (участок, который мог быть обработан одной парой волов). Иными словами, средний крестьянин имел столько земли, сколько мог обработать личным трудом с помощью членов своей семьи. В крупных же феодальных хозяйствах применялся труд зависимых крестьян, которые имели владельческие права на обрабатываемую ими землю, и потому были заинтересованы в ее обработке. Часть урожая они брали себе, а другую отдавали феодалу. Труд зависимых крестьян был для феодала более выгодным, чем труд раба¹³³.

Социальное положение средневекового раба в Болгарии не было полностью идентичным с положением раба античного. Правда, и болгарский раб не считался личностью, т. е. не имел права собственности и владения землей; за нанесенный им ущерб отвечал его господин¹³⁴. Однако он не являлся уже и *instrumentum vocale* — говорящим орудием. Он уже мог, как и свободник, выступать свидетелем¹³⁵. Система наказаний, применяемая к рабам, была уже не столь жестокой, как в древности. В «Ответах пашы Николая» рекомендуется прощать беглого раба, пойманного господином, или раба, клеветущего на хозяина перед чиновниками¹³⁶. Самый факт, что рабы могли являться к правителям или боярам и жаловаться на своих хозяев, показывает, что их положение уже не было столь тяжелым, как в древности. Очевидно, больше возможностей существовало и для отпуска рабов на волю. Согласно новелле Алексея Комнина от 1095 г., те рабы, которые могли доказать при помощи свидетелей свое происхождение от свободных болгар, отпускались на волю, и господа не имели права опровергать их показания, выставляя своих свидетелей¹³⁷.

В той же новелле говорится, что некоторые рабовладельцы не позволяли своим рабам венчаться в церкви и заключать законные браки, чтобы не лишиться власти над ними¹³⁸. Следовательно, рабы, вступившие в законный брак, имели иногда больше возможностей для освобождения. К сожалению, мы не располагаем сведениями о наличии у рабов в этот период каких-либо вещных прав.

Таким образом, перемены социально-экономического характера обусловили улучшение положения рабов сравнительно с античным рабством. Рабы XI—XII вв. по своему статусу стояли ближе к элвтерам и отрокам, чем к античным рабам. Это нашло свое отражение и в болгарском,

¹³² Подробнее об этом см. Г. Цанкова - Петкова. Югозападные болгарские земли, стр. 603—604.

¹³³ Д. Ангелов. Рабство. . . , стр. 141—142.

¹³⁴ В. Ганев. Ук. соч., гл. 25, стр. 539.

¹³⁵ Там же, гл. 18, 22. Д. Ангелов («Рабство. . . », стр. 145) считает, что такое толкование основано на неправильном переводе С. С. Бобчева («Старобългарски правни паметници». София, 1903, стр. 174). Имеется в виду текст пространной редакции (там же, стр. 96), который гласит: «Родители и дети, если они свидетельствуют друг против друга, не заслуживают доверия. . . , равно как и раб, если он свидетельствует против своего господина». Смысл этого места таков, что раб не мог выступать свидетелем против своего господина, но он мог быть, по нашему мнению, свидетелем вообще. Такой же точкой зрения придерживается и В. Ганев (ук. соч., стр. 470—480).

¹³⁶ D. Detschew. Op. cit., p. 116.

¹³⁷ Jus, I, p. 345.

¹³⁸ Ibidem.